

из которых повлияло (в двух случаях — решающим образом) на судьбу народовольцев, вызвали международный резонанс и подняли в глазах мировой общественности авторитет как самого Гюго, так и русского революционного движения.

3 февраля 1880 г. в Париже по ходатайству русских властей был арестован народоволец, участник одного из покушений на Александра II Лев Николаевич Гартман. Царизм потребовал его выдачи. Французские власти готовы были уступить. Премьер-министр Ш.-Л. Фрейсине обещал русскому послу князю Н. А. Орлову (сыну шефа жандармов А. Ф. Орлова), что требование будет выполнено²⁹. Но расчеты обоих правительств спутала начавшаяся во Франции бурная общественная кампания в защиту Гартмана, которая захватила и другие страны.

Громче всех прозвучали в этой кампании голоса двух самых популярных в то время людей Европы. Один из них был Джузеппе Гарибальди³⁰, другой — Виктор Гюго.

27 февраля 1880 г. Гюго обратился к правительству Франции с открытым письмом, которое перепечатали не только французские, но и европейские газеты³¹. «Вы не можете выдать этого человека, — писал Гюго. — ...Законы о выдаче преступников не затрагивают политическую сферу. Все нации соблюдают эти законы. Франция тоже их соблюдает. Вы не выдаете этого человека!»³²

Чтобы лучше понять всю силу того впечатления, которое произвел на правительство Франции демарш Гюго, надо учесть, что Гюго пользовался тогда во Франции и Европе колоссальным влиянием. Патриарх европейской литературы, трибун века, он, по выражению русского современника, «казался гением, превосходящим все земное, — бесспорным и волшебным»³³. День его рождения, 26 февраля 1881 г. (79 лет), был отмечен во Франции «как национальное празднество». На авеню Эйлау, где он жил, воздвигли триумфальную арку. Больше полумиллиона парижан продефилировали под окнами его дома, оставив перед ним гору цветов. Приехали и делегации со всей страны. Премьер-министр Ж. Ферри «явился к Гюго на дом поздравить его от имени правительства»³⁴.

Кампания в защиту Л. Н. Гартмана была сильна размахом и активностью общественного мнения всей Франции и отчасти Европы, но французское правительство прислушалось в ходе этой кампании прежде всего к голосу Виктора Гюго. 7 марта 1880 г. Гартман был освобожден, в тот же день выехал в Лондон с рекомендательным письмом от П. Л. Лаврова к К. Марксу и вскоре вошел в круг близких друзей К. Маркса и Ф. Энгельса³⁵.

Таким образом, царизм получил в деле Гартмана (чуть ли не главным образом по «вине» Виктора Гюго) «звонкую всеевропейскую пощечину»³⁶. Реакционные верхи России восприняли ее болезненно. Разгневанный Александр II немедленно и надолго (до мая) отозвал из Парижа своего посла, отъезд которого носил явно демонстративный характер и был «принят в целой Европе за выражение неудовольствия и охлаждения между Россией и Францией»³⁷. Царские верхи злобствовали и против Гартмана, и против Гюго — особенно после того, как Гюго напечатал в газетах письмо к президенту Франции Ж. Греси с поздравлениями по случаю невыдачи Гартмана³⁸. «Это второе письмо Гюго еще более ожесточило официальную Россию»³⁹. Царизм организовал даже ответ Гюго с «опровержением» и «разоблачением» его антицаристской позиции. Написать такой ответ взялся дипломатический и придворный чиновник, гофмейстер К. Г. Катакази, которого Александр III семь лет спустя обрисует такими словами: «скот..., мошенник и плут»⁴⁰. Опус Катакази, сочиненный на уровне его репутации, был опубликован в парижской газете «Le Nord» 10 марта 1880 г.⁴¹ и своей неуклюжестью только усугубил скандальное фиаско царизма в деле Гартмана.

Ежегодно в течение следующих трех лет Виктор Гюго вновь и вновь